

ЖОРА ХАРАКС

КРЫМСКИЙ СЫСК

ЧУЖАЯ ДАЧА

ЖОРА ХАРАКС ЧУЖАЯ ДАЧА

<https://litres.ru/74659609>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его похоронили пять лет назад.

Теперь его убили снова.

Крым, 1899 год.

На пороге ялтинской дачи появляется её хозяин, которого давно считают умершим. В ту же ночь его находят убитым. В архиве лежит подлинное свидетельство о смерти. В доме — люди, которым возвращение покойника грозит потерей состояния, свободы или доброго имени.

Следователь Станислав Коткевич верит документам. Его напарник Кузьмич — тому, что замечают горничные, кучера и садоводы. Пока один изучает наследственное дело, другой идёт по следу странного письма и вещи, найденной в водоотводе. А в садах Дерекоя молодая Алиме вступает в борьбу за воду, от которой зависит судьба её семьи.

Старая Ялта встречает гостей запахом моря, горячего хлеба и осенних садов. Но за её гостеприимными дверями скрывается тайна, способная разрушить не одну семью.

Как доказать убийство человека, который по всем документам уже умер?

*«Чужая дача» — первый роман историко-детективного цикла
«Крымский сыск»

ЖОРА ХАРАКС ЧУЖАЯ ДАЧА

ЖОРА ХАРАКС
КРЫМСКИЙ СЫСК
ЧУЖАЯ ДАЧА

Книга первая

Пролог и главы 1–21

Единая литературная редакция · октябрь 2026

ПРОЛОГ

Умерший

Ялта. 12 октября 1899 года

Павел Сергеевич Ланской возвращался домой на пятом году после собственной смерти.

Обстоятельство было неудобное. Однако за последние годы ему приходилось мириться и с худшими: чужой фамилией, дешёвыми гостиницами и необходимостью всякий раз припоминать, где именно, согласно своим новым документам, он провёл детство.

У нижних ворот дачи он остановился перевести дыхание. Последний подъём оказался круче, чем помнилось. Когда-то он проходил его с дочерью наперегонки. Теперь саквояж тянул к земле, а сердце колотилось так, будто спешил не он, а оно.

В саду пахло мокрой землёй и горьковатой виноградной листвой. Над морем оставалась полоса меди. У соседей жгли срезанные ветки; дым тянулся вдоль каменной ограды. Два кипариса возле дорожки заметно подросли.

Дом выкрасили в жёлтый цвет.

Прежде он был белым.

Ланской приготовился к тому, что дочь выросла, сестра постарела, а знакомые могли забыть его голос. Но почему-то рассчитывал, что стены дождутся в прежнем виде. Эта нелепая обида задержала его у ворот дольше, чем страх предстоящей встречи.

На деревянной табличке значилось: «Тихая пристань».

Название придумала жена. Павел Сергеевич когда-то называл его сентиментальным; теперь был благодарен неизвестному человеку, не распорядившемуся заменить табличку.

Он дёрнул шнур звонка.

Долго никто не выходил. Наконец за калиткой зашаркали подошвы, щёлкнул засов. Показался пожилой сторож в серой жилетке.

— Здравствуй, Макар.

Сторож осмотрел гостя — потертый дорожный костюм, седую бороду, саквояж с ободранной ручкой.

— Здравствуйте, сударь. К кому изволите?

— К хозяевам.

— Хозяйка дома. А управляющий, должно быть, на верх-

ней террасе.

— Левшин всё ещё здесь?

— А где же ему быть?

— В самом деле.

Макар явно не узнавал его. Пять лет назад этот человек сам помогал выносить гроб. Ланской знал это из письма сестры: она перечислила тогда всё, вплоть до фамилии извозчика, словно подробности могли заменить прощание.

— Доложи Леониду Фёдоровичу: приехал Андрей Николаевич Ветров.

— Изволите подождать?

— Подожду. И ещё скажи ему, Макар, что Павел Сергеевич вернулся.

Сторож замер с рукой на калитке.

— Какой Павел Сергеевич?

— Тот, что жил здесь прежде.

Макар посмотрел на него так, будто просившийся в дом собирался не войти, а выйти из могилы.

* * *

Левшин появился минут через семь. С годами он почти не изменился: тёмный сюртук застёгнут доверху, аккуратно подстриженная борода, чистые воротнички, начищенные ботинки. Даже спускаясь по садовой дорожке, управляющий выглядел человеком, который выполняет пункт давно утверждённого распорядка.

Он увидел гостя и остановился.

Испуг мелькнул у него на лице — краткий, настоящий. Потом черты вновь приняли выражение учтвого внимания.

— Андрей Николаевич.

— Леонид Фёдорович.

Они пожали руки. У управляющего были холодные пальцы.

— Вы не предупредили о приезде.

— Предупреждал.

— Я имею в виду сегодняшний день.

— Сегодняшнего дня я сам до вчера не знал.

Левшин оглянулся на сторожа.

— Макар, вещи господина Ветрова — в нижнюю гостевую.

— Ветрова? — переспросил старик.

— Вам дано распоряжение.

Макар взял саквояж. Ланской придержал его за ремень.

— Осторожнее. Там бумаги.

Сторож ушёл. Они остались возле каменной чаши фонтана. На дне лежали два жёлтых листа; вода давно высохла.

— Фонтан не работает?

— Не хватает воды.

— Здесь? Пять лет назад её хватало на три фонтана и половину соседского сада.

— С тех пор многое изменилось.

— Уже заметил.

Левшин выждал, пока сторож скрылся за углом дома.

— Павел Сергеевич, нам необходимо поговорить. Но не здесь.

Они направились по дорожке между яблонями. Под одну из старых крон поставили новые подпорки; за оградой слышался плеск воды в арыке.

У поворота Ланской заметил межевые колышки.

— Это для чего?

— Подготовительные измерения.

— Чьего участка?

— Пока нашего.

— А потом?

Управляющий не ответил сразу.

— Очень прошу не начинать с этого.

— Тогда почему вы не сказали, что колышки нужны садовнику?

Левшин ускорил шаг.

В доме пахло воском и свежим тестом. На лестничной стене висел прежний пейзаж: художник назвал его «Альпийским вечером», покойная жена Ланского неизменно узнавала на нём Ай-Петри. Павел Сергеевич не спорил ни с одним из них — слишком редко в доме случалось такое дружное согласие.

Ниже пейзажа осталось светлое прямоугольное пятно. Семейную фотографию сняли.

— Где наш портрет?

— Софья Павловна велела убрать.

— Почему?

— Не берусь говорить за неё.

Он впервые за всё время ответил совершенно верно. От этого стало хуже.

Левшин отвёл гостя в нижнюю комнату возле библиотеки. Когда-то здесь хранили журналы и охотничьи ружья. Теперь стояли письменный стол, два кресла и шкаф с папками.

— Вы должны позволить мне объяснить положение, — сказал управляющий, закрыв дверь.

— Слушаю.

— Юридически Павла Сергеевича Ланского больше нет.

— Знаю. Последние годы это доставляло мне немало хлопот.

— Имущество перешло к Софье Павловне. Восстановление вашего имени повлечёт пересмотр документов, долгов, старых обязательств. Могут вернуться прежние обвинения.

— Пусть возвращаются.

— Вы сами уехали.

— Да.

— По собственному решению.

— Не требуется напоминать. С этим решением я просыпался каждое утро.

Левшин опустил взгляд.

— Я советовал вам остаться на Кавказе.

— Советовали. И каждый раз обещали, что через полгода можно будет вернуться. Полгода у вас, Леонид Фёдорович,

оказались удивительно растяжимыми.

— Я защищал ваши интересы.

— Проверим. Завтра покажете хозяйственные книги.

— Они в полном порядке.

— Тем лучше.

— Дела теперь ведутся от имени вашей дочери.

— Значит, она и потребует книги. Сегодня я с ней поговорю.

Левшин поднял голову.

— Сегодня нельзя.

— Это решит Софья.

Управляющий промолчал. За дверью звякнула посуда; дом жил, не зная, что внутри него начался спор, от которого зависела его судьба.

* * *

Ланской вышел в коридор один. Он узнавал вещи прежде, чем успевал понять, что изменилось: медную ручку с потёртым краем, царапину у лестницы, трещину в верхнем оконном стекле. А в маленькой гостиной стояло новое пианино, которого он никогда не покупал.

Из-за приоткрытой двери донёсся голос:

— Леонид Фёдорович?

У окна стояла молодая женщина с книгой в руках. Высокая, тонкая, в тёмно-синем платье. Волосы убраны просто; голову она держала, как её мать, — чуть откинув назад, когда собиралась спорить.

Софья.

Последний раз он видел её семнадцатилетней девочкой. Она плакала из-за сломанной броши и ещё верила, что взрослые способны исправить любую поломку.

Теперь ей было двадцать два.

Он хотел сказать: «Здравствуй, Соня». Обычные слова. Но для них требовалось право, которого не давали ни кровь, ни воспоминания.

— Простите, — произнёс он. — Я ошибся дверью.

Софья молча смотрела на незнакомца. Её взгляд задержался на маленьком шраме у его левой брови.

Шрам остался с того вечера, когда отец взялся открывать шампанское без всякого уважения к бутылке. Софья тогда смеялась так долго, что мать рассердилась на обоих.

— Мы встречались? — спросила она.

Он сглотнул.

— Очень давно.

На лице девушки что-то дрогнуло. Не узнавание ещё — страх узнавания.

Появился Левшин.

— Софья Павловна, наш гость, господин Ветров. С дороги устал, мы познакомим вас позднее.

— Откуда вы? — спросила она, не глядя на управляющего.

Ланской не ответил. Левшин взял его под локоть и мягко, с усилием направил к лестнице.

Когда дверь гостиной закрылась, Ланской высвободил руку.

— Больше так не делайте.

— Я хотел избежать потрясения.

— Потрясение уже произошло. Вы только не дали нам сказать друг другу ни слова.

* * *

К вечеру потянуло прохладой. За кипарисами гасла полоска моря; внизу по дороге редко проезжали экипажи. Ланской сидел за столом в нижней гостевой.

Он начал три письма и все три разорвал. В первом слишком долго оправдывался. Во втором перечислял свои несчастья — получалось, будто дочь обязана ему сочувствием. В третьем написал: «Я не виноват во всём, что тебе говорили», и зачеркнул слово «всём».

Наконец взял четвёртый лист.

«Соня.

Я понимаю, что не имею права требовать прощения. Прошу только выслушать меня.

Я приехал не за домом.

Мне нужно сказать тебе то, чего я не решился сказать пять лет назад.

Если сегодня ты не захочешь меня видеть, я останусь до завтра.

Твой отец».

На последних двух словах рука остановилась. Он провёл

пером по слову «твой», едва зачеркнув его, а затем дописал выше ещё раз. Пусть решает она.

Письмо он сложил, вложил в конверт и положил справа от чернильницы. Бросил взгляд на часы: до половины девятого оставалось несколько минут.

Постучали.

Старая горничная принесла чай. Ланской узнал Аграфену по движениям: она всегда сначала выравнивала блюдце и только потом ставила чашку. За пять лет седины прибавилось, руки остались такими же красными.

— Вам с дороги, сударь, — сказала она. — Чай покрепче сделала.

— Спасибо, Аграфена.

Женщина пригляделась.

— Вы меня знаете?

— Я прежде бывал здесь.

Она не стала спрашивать. В домах, где живут господа, лишний вопрос редко облегчает жизнь прислуге.

Аграфена заметила конверт.

— Барышне передать?

— Нет. Я сам.

Горничная направилась к двери.

— Скажите, — вдруг спросил Ланской, — Софья Павловна счастлива?

Аграфена обернулась.

— А вам зачем?

— Просто спросил.

— Живёт, как люди живут. И смеётся, и горюет. Что ж ей всё время плакать?

— Конечно, — сказал он. — Не нужно.

— Чай пейте, пока не остыл.

Она вышла. Павел Сергеевич взял чашку обеими руками и так и не поднёс её ко рту.

Через несколько минут вошёл Левшин с коричневой папкой и длинным кожаным футляром.

— Я принёс часть бумаг. Остальные наверху, в кабинете.

— В таком случае пойдём туда.

— Прежде прошу об одном: не говорите сегодня с Софьей Павловной.

— Мы это уже обсуждали.

— За пять лет всё изменилось. Вы не вправе вторгаться в её жизнь и требовать, чтобы она немедленно вас приняла.

Это было сказано так спокойно и так близко к правде, что Ланской не нашёлся с ответом.

— Я ничего не требую, — произнёс он наконец. — Я прошу. А завтра покажу ей эти бумаги.

Левшин положил папку на стол и раскрыл её. Внутри лежали хозяйственные ведомости и несколько чертежей.

— Вам следует знать: часть земли предполагается продать.

— Какую?

— Нижний участок.

— Там проходит канал.

— Для нового строительства предусмотрят иной водоотвод.

— Чей?

— Это вопрос соглашения.

— С кем?

— С соседями.

Ланской провёл пальцем по плану. Межевые линии были прямы и чисты; вода на чертеже текла туда, куда велел карандаш.

— Кто такой Морозов? — спросил он, увидев фамилию.

— Покупатель. Предприимчивый человек.

— На его участке есть источник?

— Будут устроены необходимые работы.

— Вы продаёте ему землю или обещаете чужую воду?

— Павел Сергеевич, так сделки не обсуждают.

— А я, как видите, ещё помню, как задавать вопросы.

Левшин собрал листы.

— Полные книги в верхнем кабинете. Там и поговорим.

Ланской поднялся. У двери оглянулся на письмо.

— Хотите, я передам? — спросил управляющий.

— Нет. Софья получит его от меня.

— Вы мне не доверяете?

— Раньше доверял.

Он вышел первым. Левшин задержался у стола на одно мгновение, потом погасил лишнюю лампу и последовал за

ним.

* * *

Около девяти вечера в одном из ялтинских заведений появился Леонид Фёдорович Левшин. Половой Иван знал его давно: управляющий не пил лишнего, платил аккуратно и никогда не задерживался после закрытия.

Левшин заказал чай. Вскоре попросил позвать мальчика, который относил записки.

— На дачу «Тихая пристань», — сказал он, протягивая конверт. — Передать Софье Павловне лично.

— Ответ ждать?

— Нет. Скажите, что господин Ветров велел доставить письмо нынче вечером.

Мальчик спрятал конверт за пазуху, получил деньги и убежал. Иван принёс чай; управляющий поблагодарил, но чашки не коснулся.

— Вы сегодня нездоровы, Леонид Фёдорович?

— Утомился.

— На даче хлопоты?

— Хлопоты, Иван, встречаются даже там, где их не предусматривает смета.

Половой улыбнулся из вежливости. Управляющий тоже попытался улыбнуться. Со стороны это выглядело обычной усталостью после тяжёлого дня.

Часы за стойкой показывали немногим более девяти.

* * *

Письмо привезли Софье около половины десятого.

Она сидела в гостиной с раскрытой книгой. Страницы не переверачивались уже давно. Незнакомый человек со шрамом у брови стоял перед глазами куда яснее напечатанных строк.

Прочитав конверт, она побледнела.

Потом развернула лист.

«Соня...»

Ниже были слова, которых она ждала пять лет и теперь не знала, хочет ли слышать.

Она прочла письмо дважды. На слове «твой» увидела след зачёркивания и маленькую поправку над строкой.

— Где он? — спросила она.

Аграфена, принеся письмо, не поняла.

— Кто, барышня?

— Господин Ветров.

— Должно, наверху с Леонидом Фёдоровичем.

Софья выбежала из гостиной. На лестнице едва не столкнулась с Макаром, который нёс лампу.

Она пыталась решить, как обратиться к человеку за дверью. «Папа» — слишком просто после пяти лет. «Павел Сергеевич» — невыносимо чуждо. «Господин Ветров» — ложь, которую она не желала повторять.

На верхней площадке горела лампа. Дверь кабинета была притворена.

Софья постучала.

Ответа не последовало.

Она толкнула дверь.

Кресло лежало на боку. У стола раскрылась папка, несколько листов сползли на пол. Сначала Софья увидела всё это, и только потом — мужчину у окна.

Он лежал на боку, лицом к стене. Тёмное пятно расплзлось у виска и пропитало воротник. Одна рука была вытянута, словно он хотел дотянуться до края стола.

— Павел Сергеевич?.. — произнесла она чужим, официальным голосом.

Он не ответил.

Софья опустилась рядом. Увидела расстегнувшуюся пуговицу на его жилете и вдруг вспомнила, как в детстве по воскресеньям застёгивала отцу жилет снизу вверх, всегда пропуская одну петлю. Он смеялся и говорил, что такая служба ему не по карману.

Она попыталась застегнуть пуговицу. Пальцы не слушались.

— Папа.

Аграфена остановилась в дверях и сразу поняла, зачем барышня так тихо произнесла это слово.

— Врача, — сказала Софья, не оборачиваясь. — И полицию.

Горничная бросилась вниз. В доме застучали двери; голоса множились, поднимались по лестнице, осекались у порога кабинета.

Софья сидела возле отца, прижимая письмо к колену. Она ещё не знала, сумела бы простить его живым. Теперь никто не мог потребовать от неё ответа.

В нижней гостиной остались три разорванных черновика, чашка нетронутого чая и круг от чернильницы на столе. Конверта там больше не было.

В шкафу с семейными бумагами лежала выписка из метрической книги за 1894 год. На ней стояли подпись, печать и дата, которые никто не считал нужным проверять вторично.

Выписка удостоверяла смерть Павла Сергеевича Ланского.

На этот раз он действительно был мёртв.

Не совпадал только год.

ГЛАВА 1

Свидетельство о смерти

Ялта. 13 октября 1899 года

На рассвете Ялта выглядела городом, в котором все люди достаточно богаты, чтобы не вставать рано. Это впечатление производилось исключительно с набережной. В кварталах повыше уже скрипели воротами извозчики, гремели жестью молочники, ссорились над корзинами торговли и дворники поливали ещё тёмную мостовую. По лестницам от кухонь тянуло горячим тестом и мокрой золой. Хлеб здесь доставляли рано: к полудню курортные гости хотели находить на столе свежее, а люди, которые пекли и носили, к полу-

дню успевали прожить почти целый рабочий день. Старухи на порогах подбирали метлой инжирные листья, мальчишки несли под мышкой сапоги, вычищенные для приезжих, и над всем этим по-прежнему шумело море — совершенно равнодушное к распорядку городских профессий. Чем ближе к морю, тем позже просыпались хозяева; прислуга, естественно, вставала одинаково рано везде.

Станислав Коткевич успел застать двух последних постояльцев кофейни, возвращавшихся от ночной карточной игры, и первого мальчишку с хлебом. Сидя в коляске, он перечитывал короткое донесение городского полицейского управления. В нём значилось: «Обнаружено тело неизвестного мужского пола, представившегося лицом, ранее умершим. Повреждение головы. Обстоятельства подозрительны».

Далее следовало столь подробное описание сюртука погибшего, что о самом погибшем оставалось только гадать.

— Каков неизвестный? — спросил он сидевшего рядом Кузьмича.

— Мёртвый, — ответил тот. — Это, по крайней мере, полицейские проверили без возражений.

— Речь о личности.

— Когда я был ночью на даче, там нашлось три личности. Хозяйка назвала его отцом, управляющий — обманщиком, а сторож сказал, что видел покойника собственными глазами. Кого вписать в ведомость, не договорились.

На службе Кузьмич говорил с судебным следователем ровно настолько почтительно, насколько требовали присутствующие. Без посторонних позволял себе больше. Коткевич ещё не решил, считать ли это недостатком дисциплины или признаком хорошего помощника.

Он был прикомандирован к ялтинскому следственному участку на время болезни его постоянного следователя. Несколько дел о драках в постоянных дворах, две сомнительные расписки и одно исчезновение серебряных ложек составляли до сих пор всю его местную практику. О ложках он успел составить мнение, что в курортном городе вещей пропадает больше, чем людей; вчерашнее донесение нарушало эту статистику.

— Что сделали ночью? — спросил Коткевич.

— Заложили кабинет, поставили городского на верхней площадке. Врач видел тело, но велел ничего не трогать до вашего приезда. У дверей утром будет двое понятых. Слугам приказано оставаться в доме. И не хотелось бы, чтобы управляющий распоряжался ими вместо полиции.

— Почему?

— Он делает это охотнее, чем дышит.

Колёса ухнули в выбоину. Справа открылось море, светлое и неподвижное; слева, над садовыми стенами, поднималась гора. Коткевич сложил донесение. При осмотре места происшествия ему понадобится не самая правдоподобная из трёх историй, а та, для которой можно установить источник

каждого слова.

* * *

Ворота «Тихой пристани» открывал Макар. За ночь сторож заметно постарел, хотя, судя по лицу, не спал ни минуты.

— Следовательно, — сообщил Кузьмич. — Где понятые?

— У крыльца дожидаются. Да вы, ваше благородие, поскорее. Барышня с ночи ни куска не взяла.

— Барышней займётся врач, — сказал Коткевич. — Покажите, кто входил и выходил.

Макар начал перечислять: доктор, полицейский чин, ещё один городской, священник, которого вызвала Аграфена, соседний управляющий, пришедший узнать, что за шум...

— В кабинет, — уточнил Коткевич.

— В кабинет никого. Кроме первых.

— Первых кого?

Сторож моргнул. За ворота потянулся запах горячего хлеба от повозки, остановившейся по соседству. Булочник привычно отсчитал на ладони сдачу садовнику, завернул последние две булки в бумагу и поехал дальше: в доме, где случилось несчастье, кто-нибудь всё равно должен был позавтракать. Макар смотрел ему вслед, будто хотел попросить остаться и объяснить остальным людям, как они смеют вести обычное утро. Макар отвернулся, будто хлеб напомнил ему о совершенно неприличной живучести окружающего мира.

— Барышня первая вошла, затем Аграфена. Я поднимал-

ся следом. А когда приехал доктор, он потребовал, чтобы все вышли.

Судебный следователь повторил последовательность и попросил Макара не дополнять её догадками. Вчерашние впечатления от неожиданного гостя он выслушает отдельно.

На крыльце ожидали два понятых, приглашённых местной полицией: хозяин мелочной лавки Григорий Чебан и соседний садовладелец Осман Меметов. Оба держали шапки в руках, но по-разному: Чебан крутил её за край, Меметов сложил аккуратно и больше не касался. Коткевич назвал должность, разъяснил причину присутствия и убедился, что оба понимают, что им предстоит удостоверить. Осман спросил, будут ли записаны их имена без искажений. Коткевич попросил произнести фамилию ещё раз и записал с его слов.

— Редкая любезность, — тихо заметил Кузьмич, когда они отошли.

— Какая именно?

— Не заставлять человека доказывать, как его зовут. Здесь это приходится делать чаще, чем вы думаете.

Коткевич ничего не ответил. Он надеялся, что выяснение имён не станет особенностью данного дела.

Наверху пахло ламповым маслом и полированной мебелью. В конце коридора стоял уставший городской, всё утро не отходивший от двери. Перед кабинетом виднелись две полоски бумаги с сургучными печатями; одна надорвалась у нижнего края от постоянного хождения воздуха.

Кузьмич показал время опечатывания в ночной записи. Ни он, ни присланные с ним полицейские не могли засвидетельствовать первоначальное расположение всех вещей: до их прибытия в комнате были домашние и врач. Это неприятное обстоятельство Коткевич указал в начале протокола, не пытаясь сделать осмотр безукоризненное, чем он был.

В кабинете открытое окно выходило в верхний сад. У стенки остывал медный грелочный сосуд, принесённый ночью для испуганной хозяйки и забытый у дверей; тонкая шерстяная шаль сползла с кресла на пол. Вещи не относились к убийству, но напоминали о первых минутах после него: домашние люди хватают под руку не то, что положено, а то, чем всегда помогали больным и замёрзшим. На подоконнике не было пыли в одном месте — там, вероятно, опирались рукой. Возле письменного стола лежало кресло, перевернутое спинкой к двери. Светлая дорожка ковра сбилась складкой. На полу — три листа, один из которых опустился лицевой стороной под ножку кресла.

Тело Павла Ланского лежало лицом к стене. Доктор Григорий Андреевич Орлов, городской врач, приехавший ночью по вызову, стоял у окна и тщетно удерживал сон за краями очков.

— Вижу, вы его уже осматривали, — сказал Коткевич.

— Чтобы убедиться в смерти, которой меня затем просили не верить, — ответил Орлов. — Состояние не менялось. Причина по внешнему виду — сильный удар по голове; что

именно им наносили, без исследования утверждать нельзя.

— Когда наступила смерть?

— Вчера вечером. Точнее обещать не стану. Вы можете приказать часам идти правильное, но не человеческому телу.

Он назвал признаки, которые наблюдал, и отдельно указал пределы вывода. Коткевич записал их без округления до удобного часа. В разговоре о подозреваемых это неудобство скоро станет существенным.

Кузьмич присел у боковой части стола.

— Крови на письменной доске мало, — сказал он. — А на воротнике много.

— Это возможно при положении тела после удара, — пояснил врач. — Переносили ли его, по одному пятну сказать нельзя.

— Я и не спрашивал, переносили ли. Смотрю, где ему пришлось упасть.

У кресла обнаружилась свежая царапина на паркете, а у правой ножки письменного стола — тёмное потёртое место. Кузьмич попросил не поднимать кресло до измерения расстояний. Следовательно согласился; записал положение дверей, окон, стола, тела, кресла и местонахождение бумаг. При переносе вещей пользовались двумя понятыми и отдельными листами протокола.

Коткевич подошёл к погибшему. Мужчина лет пятидесяти, с поседевшей бородой, худой шеей и хорошо заметным шрамом над левой бровью. На пальцах — следы чернил; ног-

ти чистые, но кожа рук грубее, чем ожидалось у состоятельного дачевладельца. Дорожные сапоги были тщательно вычищены только снаружи. В складках у швов осталась рыжеватая пыль.

— Руки не похожи на руки человека, который пять лет провёл у собственных садовников, — заметил Кузьмич.

— И не доказывают, что он не хозяин. Человек мог пять лет работать сам.

— Мог. Только зачем ему тогда хозяйство?

— Будем спрашивать у живых.

Кузьмич посмотрел на тело, потом на следователя.

— С некоторыми вопросами вчера уже опоздали.

Следователь не нашёл полезного ответа.

* * *

Левшин ждал в столовой перед нетронутым завтраком. Подбородок был чисто выбрит, на сюртуке ни складки. Если бы хозяева дома не носили траур, управляющего можно было бы принять за человека, собирающегося принимать заказчика на ремонт кровли.

— Леонид Фёдорович Левшин? — уточнил Коткевич.

— Да. Я пятнадцать лет веду здесь хозяйство.

— Вчерашний гость был вам знаком?

— Назвался Андреем Николаевичем Ветровым. Я знал его по переписке.

— Только по переписке?

Левшин аккуратно положил нож возле тарелки.

— За несколько лет знакомства в письмах можно узнать человека не хуже, чем при совместной службе.

— Значит, вы не узнавали его при встрече?

— Я не утверждал этого. Я узнавал господина Ветрова. Он посещал наш дом прежде.

— Под каким именем?

— Ветрова.

Коткевич заметил крошечную паузу перед фамилией. Не записал. Пауза не была доказательством.

— Он сказал сторожу, что вернулся Павел Ланской.

— Сказал. Я пытался воспрепятствовать тому, чтобы от подобного заявления пострадала Софья Павловна.

— Чем оно могло ей повредить?

— Её отец похоронен в девяносто четвёртом году. Представьте себе состояние дочери, если в доме появляется чужой человек и требует признать его покойником, вставшим из гроба.

— Она видела его?

— Случайно, несколько минут. Успела взволноваться.

— Что делал гость после?

Левшин сообщил, что внизу ему приготовили комнату, затем они обсуждали хозяйственные документы, после чего поднялись в кабинет. Он говорил о планах будущих построек, о неудобном времени приезда и о необходимости избегать скандала.

— Во сколько вы покинули дом?

— До девяти. Меня ждали в городе.

— Кто видел вас на дороге?

— Кучер Семён, надо полагать. Я ехал в своём экипаже.

— А затем?

— Был в заведении у Ивана Степановича. Меня знают там.

— Когда?

— Около девяти, возможно несколькими минутами позже.

Коткевич сделал пометку. Город находился не за углом, а уехать можно было разными дорогами. Время требовало проверки.

— Что стало с Ветровым, когда вы ушли?

— Я оставил его за бумагами. Он намеревался писать ба-
рышне. Как видите, написал: ей доставили письмо вечером.

— Вы его видели написанным?

— Видел конверт. Пришлось отнести в город и поручить мальчику передать.

— Зачем везти письмо в город, если адресат находилась двумя этажами ниже?

Левшин поднял глаза. До этого вопроса он отвечал с готовностью.

— Гость не желал беспокоить её лично. Возможно, рассчитывал, что письму поверят охотнее, если принесёт его не слуга из дома.

— Это вам он сказал?

— Не дословно. Я так понял.

Следователь подчеркнул два слова: «так понял».

— Вы называли этого человека самозванцем. Почему не остановили его? Почему позволили остаться в доме?

— Видите ли, господин следователь, когда перед человеком уже есть документы о его смерти, разумнее вести себя осторожно. К тому же он угрожал разнести скандал по всему городу.

— В таком случае вам не составит труда показать свидетельство.

Левшин поднялся.

— Оно хранится в семейном шкафу. Госпожа Ланская получила выписку много лет назад.

Кузьмич наблюдал за управляющим. Тот не отводил взгляда, не нервничал при слове «убийство», но, когда речь заходила о семейном шкафе, привычно поворачивался к двери, словно для любого затруднения там имелся ключ.

* * *

Документ Левшин принёс в сером картонном переплёте вместе с двумя бумагами по наследственному делу. На листе стояли церковная печать и подпись; почерк был ровным, строка о смерти — короткой и окончательной. Коткевич не любил, когда сложный вопрос решали одним листом бумаги, но прежде всего лист следовало прочесть.

«Павел Сергеевич Ланской... скончался... в сентябре 1894 года». Далее следовали возраст и обстоятельства погребения.

ния, сообщённые в установленной для выписки форме. В самой формуле документа не было ничего фантастического: такой текст выдавали живым наследникам ежедневно.

— Почему оригинал у вас? — спросил Коткевич.

— Это не оригинал метрической книги, — поправил Левшин с видимым облегчением. — Заверенная выписка. Получена для оформления наследственных бумаг.

— Кто присутствовал при погребении?

— Родственники. Слуги. Я. Многие из них живы.

— Вы видели лицо умершего?

Левшин помолчал.

— Видел тело, подготовленное к погребению. Признаюсь, после болезни человек выглядел изменившимся.

— Кто удостоверил личность?

— Как это было принято: по больничной бумаге и по свидетельствам лиц, находившихся рядом. Иначе разве могли бы выдать эту выписку?

Коткевич не стал объяснять управляющему, чем отличается удостоверение смерти от удостоверения личности человека, чьё имя сообщили врачу. Сначала следовало увидеть лежавшую в основании запись.

Кузьмич посмотрел на возраст, указанный в выписке, затем в свой блокнот.

— Здесь написано сорок пять. Покойному по виду около пятидесяти пяти, — сказал он.

— Старят несчастья, — отозвался Левшин. — Не меньше

болезней.

— Да и омолаживают документы, если хранить их аккуратно.

Коткевич велел понятым засвидетельствовать предъявление выписки, переписал существенные сведения в протокол и оставил документ для сравнения с церковной метрической книгой. Потом попросил пригласить Софью Павловну.

Управляющий возразил, что барышня измучена и не вынесет формального расспроса.

— Я не собираюсь заставлять её говорить сейчас, — ответил Коткевич. — Но спрашивать разрешение у вас не намерен.

Левшин поклонился. Это движение было совершенно правильным и лишённым уважения.

Софья появилась на пороге в тёмном платье, с лицом уставшим, но не заплаканным. Ночью она плакала много; теперь слёз словно не осталось. Коткевич поднялся.

— Примите мои соболезнования. Простите, что обращаюсь к вам в таком состоянии. Мы ведём следствие о смерти человека, найденного в вашем доме.

— Человека? — переспросила Софья.

Он не сразу понял удар, нанесённый одним словом.

— Мне необходимо установить личность погибшего.

— Его зовут Павел Сергеевич Ланской. Это мой отец.

— Вы совершенно уверены?

— Я смотрела на него вчера вечером. До того, как его уби-

ли. Я видела шрам над бровью. И то, как он стоял у двери. Если хотите, я могу назвать другие приметы.

— Вы помните его в последний раз пять лет назад.

— Это мешает мне помнить его лицо?

Коткевич не ответил сразу. Он мог бы поставить вопрос точнее — и, может быть, позже так и сделает. Сейчас она стояла одна перед тремя мужчинами, каждый из которых знал о её отце меньше, чем она, но считал себя вправе определить, кто он.

— Я не оспариваю ваших слов, — сказал следователь. — Я обязан проверить их вместе с остальными сведениями.

— Проверяйте. Только не говорите мне, что я не узнала отца из-за того, что он умер по бумаге.

В дверях появился Левшин.

— Софья Павловна, доктор просил вас отдыхать.

Она даже не повернулась к нему.

— Вы сказали мне ночью, что это господин Ветров. Когда вы узнали, что он мой отец?

Левшин выдержал паузу.

— Я никогда не утверждал, что это он.

— Тогда зачем прятали его от меня?

— Я пытался уберечь вас от потрясения.

— Уже уберегли.

Она вышла. Коткевич не задержал её. У него оставались вопросы к Софье; теперь он должен был сначала заслужить возможность их задать.

* * *

В половине второго городской врач закончил необходимые записи и ушёл готовить дальнейшее освидетельствование. Кабинет снова опечатали. Понятые подписали протокол; Меметов попросил проверить, верно ли написано его имя, и кивнул, увидев строку. Макар принёс следователю кофе, хотя тот ничего не просил.

— На даче к кофе привыкли, — объяснил сторож. — Господин покойник прежде каждое утро пил. Пять лет назад тоже.

Кузьмич, уже уставший от слов «прежде» и «покойник», заметил:

— У вас здесь слишком много вчерашнего времени.

— А сегодняшнее? — спросил Макар.

— С сегодняшнее на месте преступления некуда девать.

Коткевич положил на стол копию выписки и записал рядом три вопроса: кто умер в 1894 году; кто убит в 1899-м; кто имел основание уверенно отождествлять этих двоих. Он не соединял вопросы стрелками: для этого не было пока причин.

Из сада доносился шум воды, короткий, неравномерный, будто кто-то то открывал, то закрывал деревянную заслонку. Кузьмич подошёл к окну, задержался, потом покачал головой.

— Что вы там увидели? — спросил следователь.

— Пока ничего. Зато слышу, что воду здесь делят даже

без покойников.

— Оставим хозяйственные споры до тех пор, пока они не потребуются делу.

— В саду они требуются ежедневно, — ответил Кузьмич.
— Только полиции редко жалуются.

Коткевич сложил бумаги в папку. К местной метрической книге предстоит ехать отдельно; в предъявленной выписке он не увидел внешнего признака подлога.

Отсюда не следовало, что написанное в ней было правдой. Зато следовало другое, гораздо более неудобное: молодой женщине только что пришлось опознать отца, который значился похороненным за пять лет до убийства.

Коткевич снова прочёл дату на выписке. Затем взял чистый лист и написал заглавие первого запроса: «Об удостоверении личности умершего в 1894 году».

Он впервые за утро почувствовал, что разбирается не с одной смертью.

ГЛАВА 2

Дом без хозяина

Ялта. 13 октября 1899 года

К двум часам дня солнце высушило дорожки «Тихой пристани», и вчерашний дождь напоминал о себе только тёмными полосками под кустами лавра. Слуги разошлись по обычным делам с той осторожностью, с какой люди ходят по дому, где кто-нибудь тяжело болен: двери закрывали придер-

живая ручку, тарелки ставили на стол через сложенную салфетку, окликали друг друга шёпотом. Но кастрюли всё равно требовали огня, лошади — овса, а старый самовар, если его забывали почистить, становился дурного цвета совершенно независимо от семейных несчастий.

На кухне пахло подогретым маслом, укропом и горячим хлебом. У печи хлопотала кухарка Аксинья, женщина широкоплечая, с красным, будто обветренным лицом. Она месила тесто ладонями, так что стол слегка вздрагивал, и сердито приговаривала:

— Полицией людей не накормишь. Они все спрашивают, а кто на вопросах похлёбку сварит?

— Мы не против похлёбки, — отозвался Кузьмич, появившись в дверях. — Особенно если она будет до вечера.

Аксинья обернулась, оценила его шинель, запylённые сапоги, после чего выразительно накрыла тесто полотенцем.

— Вам чего?

— Аграфену ищу. Да и сам узнать хочу, как живут в доме, где каждый хозяина по-разному зовёт.

— Живём как люди. По звонку ходим. Счета сдаём. В долг у мясника не берём, пока управляющий дома.

— А когда нет?

— Тогда берём по-человечески. И отдаём, между прочим.

Она придвинула к нему табурет, не признаваясь, что приглашает сесть. Кузьмич сел только после того, как она поставила у края стола чашку чая. Чай был крепкий, с листочком

мяты; сахар подали отдельно, в сколотой мисочке, из той посуды, которую господам не показывали, но которая переживала дорогие сервизы.

— На верхнем этаже чисто, — сказал он. — А нижнюю гостевую кто держал?

Аксинья повела плечом.

— Аграфена. Она по белью распоряжается. А про заказы и платы — управляющий.

— Гость бывал?

— По приездам всякое случается. Один вино требует к завтраку, другой — горячей воды ночью. Этого вчера принесли в дом тихо, без сундуков и без объяснений. В чём хозяина узнавать, в сундуках, что ли?

— Иногда и в сундуках, — заметил Кузьмич. — А иногда в том, кто велит на него обед готовить.

— На него не велели. Вчера на четверых приготовили. Барышня, Екатерина Сергеевна, управляющий да он. Только почти никто и не поел.

Кузьмич спросил, сколько времени варился бульон, и кухарка на минуту растерялась. Затем объяснила обстоятельно: поставила к пяти, к семи сняла пену, в половине восьмого решила доварить коренья. Она знала вечер по устройству печи и сменам углей лучше, чем по часам. Это могло пригодиться, когда речь зайдёт о том, кто куда заходил между кухней и лестницей.

— А вот вчерашний ужин? — спросил он.

— Вы его обыскивать будете?

— Нет. Только есть.

— На холодное мясо не жалуйтесь.

Кузьмич пообещал не жаловаться и попросил позвать Аграфену.

* * *

Горничная появилась с большой связкой ключей на поясе. Для каждого замка у неё был свой способ разговора: к кладовой она поворачивала ключ осторожно, к бельевой двери — быстро, будто та нарочно притворялась тугой, а гостевые комнаты открывала с коротким вздохом, поскольку постояльцы обыкновенно недооценивали труд людей, которым оставалось потом собирать их рассыпанные по полу вещи.

— Показывайте, куда вчера положили господина Ветрова, — сказал Кузьмич.

Аграфена открыла нижнюю гостевую.

Комната смотрела в сад. Сквозь тонкую занавеску виднелись запylённые листья инжира и светлая дорожка, по которой несли дрова к чёрному входу. На комодe стоял таз в мраморной оправе, рядом кувшин, стакан для зубного порошка и щётка с щетиной, по-видимому, совсем новой. У окна помещался небольшой письменный стол; столешница сохранила тёмное кольцо от вчерашней чернильницы. На кровати лежало белое одеяло, заправленное под матрас с аккуратностью, которую редко ценили те, кто не пробовал её добиться.

Кузьмич осмотрел кувшин.

— Воду утром меняли?

— Ночью меняла. Когда барышня ушла наверх. Не знала же, что человека убьют.

— И правильно не знали. Если бы все знали заранее, нам бы работы не осталось.

Аграфена не улыбнулась.

— Я не на это. Меня утром ругали, будто я доказательства вымыла. Доктор только руки в этом тазу ополоснул, а потом я воду вынесла. Думала, так лучше.

— Вы были в комнате после убийства?

— После крика. Сначала по хозяйке бегала, потом за доктором велели послать. Здесь руки вымыла и кувшин сполоснула. Полицейский потом всё запрещал трогать. Что не запрещал, то уже успела сделать.

Кузьмич записал это; не стал притворяться, будто вчерашний порядок вещей сохранился нетронутым. Он заглянул под кровать и за платяной шкаф, поднял деревянную подставку под умывальник. На верхней полке шкафа лежали два сложенных одеяла, пахнувших сухой лавандой.

— Хорошо держите постель.

— У нас не постоянный двор, — ответила Аграфена. — Хотя хлопот иной раз побольше.

Она машинально расправила складку на простыне. Кузьмич заметил, что ткань не была новенькой: на краю сохранилась почти незаметная штопка, сделанная мягкой серой ниткой.

— Это бельё для особого случая?

— Для гостевой. В доме всё разделено. Господское бельё — с вышивкой, гостевое — с синей меткой, наше — с красной. Иначе после стирки половины недосчитаемся. В Ялте прачка вечером отдаст чужую наволочку, утром спросишь — уже весь квартал перепутал.

— А эту комнату зимой запирали?

— Запирали. Но проветривали каждую неделю, сырость от сада идёт. Стёкла протрёшь — а к утру опять потеют. Левшин приказал перед зимой поставить мешочек с сушёными листьями, чтобы затхлого духа не было.

— Когда приказал?

— В прошлом году. Нет, погоди... Перед Пасхой это было. Или после. Мне бы в книгах посмотреть.

Кузьмич поднял глаза.

— Книги ваши?

— Бельевая тетрадь. Я каждую скатерть и полотенце записываю. Господа считают, что это пустяки, пока одна скатерть не исчезнет.

На самом деле тетрадей было три: короткая книжка с пожелтевшими страницами, заведённая ещё при покойной бабыне; переписанная позже толстая; и нынешняя, в дешёвой клеёнчатой обложке. Записи выглядели так, будто человек беседовал с самим собой через годы: «синий край протёрся», «наволочки вернулись без тесёмок», «к Рождеству исправить пододеяльник». Между вещами стояли даты и фа-

милиии прачек. Где-то на полях сохранялась запись детской рукой: «Соня запачкала шёлком». Видимо, Софья много лет назад решила помогать горничной вести хозяйство и тут же испортила страницу кляксой.

— Эта строчка с весны девяносто восьмого, — сказала Аграфена, нащупав нужную страницу. — Господин Левшин велел новую щётку поставить, простыни переложить, замок смазать. Сказал, может приехать деловой человек.

— Приехал?

— В тот раз нет. Я всё думала, чего держать комнату, если делового человека и нет. А летом опять готовили. После приезжал кто-то другой, но не сюда. Кто-то из Симферополя, кажется.

Кузьмич попросил разрешения выписать даты. Аграфена, удивлённая вниманием к своей тетради, сама показала, где почерк перешёл с одного пера на другое и почему это ничего не значило: старое перо ржавело и царапало бумагу.

В одном месте рукой управляющего было приписано: «Держать в исправности до дальнейшего».

— Хорошо писали, — заметил Кузьмич. — Только для кого это «дальнейшее»?

— У него и спрашивайте. Я бельё берегла, не секреты.

* * *

Коткевич обнаружил напарника в бывшей детской. Комната была не похожа ни на что остальное в доме: вдоль стены стоял низенький книжный шкаф, на полке остались коробка

с пустыми раковинами, потрескавшаяся кукольная чашечка и два тома французских басен. Нечищенная латунная защёлка окна не поддавалась с первого раза. Когда-то здесь жили с открытыми дверями; теперь воздух стоял неподвижно, и на старом ковре не было следов нынешних жильцов.

— У вас здесь праздник предметов, — сказал Коткевич.
— Вы допрашиваете бельё?

— Бельё жалуется меньше людей. И записано иногда лучше. Гостевую приготавливали задолго до вчерашнего приезда. С девяносто восьмого года. Управляющий велел держать исправной, будто ожидал одного определённого человека.

— Или предполагал принимать гостей, — возразил следователь. — Дача существует не для одиночного проживания.

— Предполагал. Только щётки покупали, а гостей в эту комнату не пускали. Отчего такая бережливость, если речь об обычном приезде?

Коткевич посмотрел тетрадь. Не стал спорить. Попросил установить, сохранились ли хозяйственные счета на постельные принадлежности и на ремонт замка; записи Аграфены были полезны, но до проверки не доказывали намерений Левшина.

— И ещё, — сказал Кузьмич, — здесь почти не открывали внутреннюю дверь в кабинет хозяина. А замок с нижней лестницы недавно смазывали. Соседняя хозяйка говорит, ночью слышала два коротких удара, словно кто-то вышибал ковёр. Может быть, ничего. Но у всех в доме свой

слух и свои часы.

— Слух проверим отдельно, — ответил Коткевич. — И с часами прежде разберёмся.

Они вышли на террасу. На лестнице слуги прижимались к стене, пропуская следователя; Кузьмич всякий раз просил их идти своим чередом. В этом доме люди привыкли считать любую задержку поводом для выговора, и такое разрешение вызывало больше удивления, чем вежливость.

* * *

Кучер Семён жил в маленькой пристройке возле конюшни. Ведро с водой стояло у порога, рядом сушились ременные подпруги. На гвозде висел деревянный гребень для чистки лошадей; рукоятка была до блеска отполирована ладонью. За перегородкой мерно жевала сено гнедая кобыла с белой отметиной на носу.

— Умная, — сказал Кузьмич, погладив ей шею. — Только хозяйева поумнее редко попадают.

— Она не моя, — ответил Семён.

— Вижу. Ты бы так кормил, будь твоя, хуже нельзя.

Кучер обиделся, но не слишком: в кормушке и вправду лежал лучший овёс, а у лошади была чистая шерсть.

— Во сколько вчера управляющий выехал? — спросил Коткевич.

— До девяти, ваше благородие. Он сказал спешить в город. Запряг я заранее.

— По каким часам определяете?

— По своим. Днём у конторы сверяю, если туда ездим.

Он достал карманные часы. Стрелки немного отставали от часов Коткевича, но точность не была главной проблемой.

— По какой дороге поехали?

— Нижней, от садового въезда. Там проще вывернуть с коляской, когда дождём размыло верхнюю дорогу.

— Когда подали экипаж?

— Сначала ждал у нижней стены. Не в первый раз там жду. Потом услышал со двора оклик и подвёл лошадь ближе к воротам. Сели и поехали.

— Вы видели господина Левшина всё время, пока ждали?

— Нет. Сидел в экипаже, укрывался полстью. Под горой ветер. Пару раз сходил поправить сбрую.

— Кто ещё был на дороге?

— Мимо ехал молочник. С пустыми кувшинами. Это к вечеру значит, в город обратно. Да мальчишка-пастух с козами. Он ещё посмеялся, что кобыла на коз злится.

— Как зовут молочника?

Семён назвал имя и улицу, где тот останавливался. Коткевич записал. В рассказе кучера не оказалось ничего необычного — только множество обычных мелочей, которые легко проверить и трудно выдумать согласованно задним числом.

Кузьмич попросил Семёна пройти вместе к нижнему въезду. Вдоль дорожки падали перезревшие плоды инжира; работница собирала их в неглубокую корзину, отбрасывая испорченные. Когда колёса подъезжали к воротам, чёрная

влажная земля оставляла на ободах тёмный налёт. На камне у дороги виднелись мелкие царапины железных подков.

— Здесь всякий день кто-то ездит, — сказал Кузьмич. — Не станем решать по одной отметине. Лучше выясним, кто видел экипаж и в какое время.

Пока они осматривали место, от соседнего сада донёсся шум заслонки: вода ударила в каменный жёлоб и побежала иначе, шире. Семён обернулся.

— Опять спорить будут.

— Кто?

— Дерекойские. Канал тут давний. Управляющий велел воды меньше пускать в ту сторону. А они говорят, старые хозяева иначе договорились.

Коткевич приказал записать это как обстоятельство хозяйственных отношений, не делая вывода о связи с убийством. Кузьмич посмотрел на садовые борозды, где пыльная земля была аккуратно поднята вокруг корней, и подумал, что в здешних местах воду помнят дольше, чем обиды. Хотя обиды, по всему судя, тоже держались неплохо.

* * *

Посыльного нашли ближе к вечеру. Ему было лет четырнадцать, звали Гришкой, и он зарабатывал на поручениях, подносах и иной беготне, которую взрослые считали простой, пока не пробовали сами. Отец у него был грузчиком в порту; мать чинила бельё у чужих людей. Гришка носил старую соломенную шляпу и по вечерам натирал пятки салом,

поскольку башмаки достались от старшего брата и были велики в пятках, но тесны в носках.

Кузьмич застал его у лавки, где мальчик делил на четверых маленький пшеничный бублик. Друзья разбежались при виде полицейского чина; Гришка остался. Он сперва решил, что его обвинят в недоставленном письме, и поспешно вытащил из кармана все квитанции за неделю, включая чужой счёт на свечи.

— Бумаги спрячь, — сказал Кузьмич. — Мы вчерашнюю записку спрашиваем. Кого ты видел, когда забирал?

— Господина управляющего, — ответил мальчик. — Он в заведении был. Сказал на дачу бежать. У них в прихожей часы: я глянул, стрелка на двенадцать не дошла. Только я время по часам чаще для еды смотрю: когда хозяин обед обещал.

— Кто при тебе письмо писал?

— Никто. Оно уже было в конверте.

— А кто сказал, что написал покойный поздно вечером?

— Управляющий. Я должен был передать его слова барышне. Я передал.

— Сам покойного ты видел?

— Нет. И в глаза бы не узнал.

Коткевич задал мальчику несколько вопросов о пути, остановках и о том, кому именно он вручил конверт. Посыльный сообщил, что записку приняла горничная, а Софья получила её из рук Аграфены. Никаких людей, из которых

можно было бы построить отдельное свидетельство о жизни гостя после девяти, у Гришки не появилось.

— Ты честно бегаешь, — сказал Кузьмич.

— А как ещё?

— Бывает, мальчики любят прибавить к рассказу то, чего не видели.

— А мне за это платят?

Кузьмич спрятал улыбку. Мальчик и без уроков понимал, за что отвечать следует, а за что нет.

* * *

В сумерках оба вернулись на дачу. У ворот продавщица зелени ждала расчёта за утреннюю корзину; привезённый из города хлеб черствел под чистой салфеткой, поскольку никто не распорядился подать ужин вовремя. В столовой уже зажгли лампы. Их свет ложился на белые скатерти и серебряные ложки так же, как прежде, но места за столом были пусты.

Коткевич попросил показать журналы расходов за последние два года. Левшин пришёл с ключами и спросил, необходимо ли при убийстве изучать стоимость хозяйственного мыла.

— Пока не знаю, — ответил следователь. — Зато узнаю, когда посмотрю.

При нём раскрыли толстую книгу. В ней шли столбцы: дрова, керосин, починка ставней, стирка, щётки, полотняные полотенца. Несколько записей за весну и лето 1898 года

выделялись пометой «нижняя комната». Подтверждающие счета на покупку мыла и замену замка были аккуратно подшиты.

— Для кого её держали? — спросил Коткевич.

— Для возможных гостей, — сказал Левшин. — В курортном городе никогда не знаешь, кто приедет без предупреждения.

— Тогда почему другие гости пользовались верхними комнатами?

— Так пожелала хозяйка.

Коткевич попросил пригласить Софью и установить, действительно ли она отдавала подобное распоряжение. Левшин возразил, что ей необходим покой. На этот раз следователь ограничился коротким замечанием: опрашивать её он будет по собственной оценке необходимости, а сейчас управляющий может быть свободен.

Кузьмич перелистнул назад. Рядом с первой записью об исправлении комнаты, сделанной в мае 1898 года, стояла аккуратная приписка рукой управляющего: «Содержать в готовности до известия».

— До какого известия? — спросил он.

Левшин помедлил.

— Гость обещал написать.

— И написал?

— Не помню.

Он произнёс это спокойно. Но с именами и цифрами че-

ловек его положения обычно не затруднялся.

Когда управляющий вышел, Коткевич ещё раз осмотрел запись.

— Теперь понятно, что он ждал кого-то определённого, — сказал Кузьмич.

— Понятно, что так можно думать. Для вывода нужно письмо. Или человек, получивший его.

Они закрыли книгу. За стеной Аграфена развешивала над очагом просушенные полотенца; железный крючок коротко позвякивал о балку. В чужом доме возвращалась обычная жизнь, требовавшая каждую минуту чьих-нибудь рук.

Коткевич подумал, что именно в этих руках — прачки, кухарки, кучера, мальчика-посыльного — могла сохраниться точная история вечера, о котором управляющий рассказывал лишь самое удобное.

Если комнату и вправду готовили для определённого гостя, теперь следовало отыскать его прежние письма.

ГЛАВА 3

Дочь покойника

Ялта. 14 октября 1899 года

Утром Софья впервые за много лет захотела, чтобы в доме заговорили громко.

Накануне слуги ходили на цыпочках; теперь даже обычное позвякивание посуды за дверью звучало с оглядкой. На лестнице Аграфена остановила младшую горничную только за

то, что та поставила на ступень корзину с глаженным бельём. Девушка пробовала оправдаться: в корзине не было ничего, что могло бы разбиться. Аграфена ответила, что некоторые вещи ломаются и без грохота. Обе смутились; старшая тут же велела младшей не принимать слова близко к сердцу и идти на кухню, пока утюги не остыли.

Софья слышала всё через открытую дверь.

Она сидела на краю кровати в одной сорочке, а на коленях держала письмо. Листок за ночь измялся оттого, что она то складывала, то разглаживала его ладонью. На сгибах появились светлые полосы. Пожалуй, она прочла письмо раз двадцать, не обнаружив в нём ни одного нового слова.

«Соня...»

Раньше отец называл её Сонькой, когда они оставались одни. При матери — Софьей Павловной, нарочно важно, отчего девочка непременно начинала хохотать. Теперь письмо начиналось коротко и осторожно, будто человек пробовал дверную ручку чужого дома.

Она положила лист под книгу, потом вытащила обратно. Если спрятать, будет казаться, что не было и возвращения. Если оставить на столе, каждый входящий получит право спрашивать, что написано.

На комодѣ стояла эмалевая чашка с водой. В ней отражалось потолочное окно и маленькая трещинка на краю. С детства Софья помнила эту чашку: когда болела корью, мать разрешала пить из неё сладкий чай с малиновым вареньем, и

чудилось, что выздоровление зависит именно от посуды. Теперь посуда оставалась, а простая уверенность, что от беды можно оправиться по домашнему рецепту, исчезла.

Постучали.

— Войдите, Аграфена.

Горничная принесла умывальный кувшин и чистое полотенце.

— Вы не спали, барышня?

— Немного.

— Я гляжу, под глазами тени. Надо бы поесть. Аксинья гречневую кашу сварила, как вы любите, на топлёном масле. И кизилковое варенье осталось прошлогоднее, сладкое, не приторное.

— Я вчера не ела.

— Вчера и господь знает какой был день. Нынче другой.

Софья вдруг рассердилась.

— Другой? Чем он другой?

Аграфена поставила кувшин. Подумала.

— Солнце встало, — сказала она. — Лошади завтрак просят. Всё равно надо жить, пока есть кому.

Софья хотела возразить, но увидела красные руки старой женщины. Ноготь на большом пальце был надломлен: вероятно, опять зацепился за тугое железо стирального котла. Аграфена каждый день делала десятки дел, которые никто не замечал, если они выполнены, и все замечали, если нет.

— Принесите кашу, — сказала Софья. — Только не сюда.

На малую террасу.

— Как прикажете.

Горничная задержалась у двери.

— А письмо, барышня, вы бы в сухое место положили.

Бумага от рук ломается, ежели всё время разворачивать.

Она ушла, не спросив, что в письме. Софья с благодарностью подумала, что в этом доме только Аграфена пока не пыталась решать за неё, что ей следует знать.

* * *

На малой террасе стоял круглый столик с гнутыми железными ножками. На нём обычно оставляли корзину с фруктами для гостей. Теперь вместо корзины была чашка с кашей, высокий стакан молока и блюдце с двумя ломтиками хлеба. Сверху лежала тонкая полотняная салфетка, чтобы еда не остывала и мухи не садились на сахар.

Из сада слышалось, как Макар сердился на мальчика, слишком коротко обрезавшего ветку. Дальше, у соседнего дома, пилили доску. Море с террасы не было видно целиком: только кусок синей воды между тёмными кипарисами. По нему прошёл белый пароход, такой маленький на расстоянии, что мог бы уместиться на ладони.

Софья взяла ложку. Каша была тёплая. Она съела несколько ложек и поняла, насколько голодна. Это показалось ей почти постыдным: человек лежал в холодной комнате, а она, его дочь, хочет завтракать.

В детстве отец учил её не оставлять еду на тарелке. Не по-

тому, что так велит вежливость, говорил он, а потому, что люди работали, чтобы она оказалась на столе. Мать возражала, что воспитание не следует превращать в лекцию о сельском хозяйстве. Отец тогда нарочно подробно рассказывал о дороге от мельницы к хлебу, пока Соня не засыпала посреди рассказа.

Она улыбнулась. Улыбка исчезла, когда она вспомнила, что теперь уже не узнает, рассказал бы он эту историю так же после возвращения.

Из-за двери вышла тётя Екатерина.

Екатерина Сергеевна Мещерская была одета с той аккуратностью, которую поддерживают люди, однажды решившие, что жизнь слишком непостоянна, чтобы добавлять к ней ещё и беспорядок. Вдоль воротника лежала узкая кружевная полоска. На груди — маленькая серебряная булавка с овальным камнем. Шляпы она не надела: очевидно, намеревалась остаться дома.

— Ты ешь, — сказала она.

— Как видишь.

— И правильно. Вчера ты меня перепугала больше всего.

— Я сама себя тоже.

Тётя присела, не спросив разрешения, и развернула свою салфетку. Взяла кусочек хлеба, намазала очень тонкий слой варенья, положила нож поперёк блюда. Софья смотрела, как знакомы эти движения. Тётя так же делала у них за столом десять лет назад, когда спорила с матерью о том, следует

ли выращивать розы возле северной стены.

— У тебя есть что мне сказать? — спросила Софья.

Екатерина отвела глаза.

— Пожалуй, есть.

— Тогда начни сейчас. Очень прошу. Пусть сегодня никто больше не бережёт меня таким способом.

Тётя аккуратно сложила салфетку вчетверо. И только тогда Софья поняла, что пришла она не ради завтрака.

* * *

Коткевич в это время просматривал в столовой вчерашние записи. Он не любил допрашивать людей в утро после похоронного известия. Но промедление имело свою цену: разговоры между домашними меняли память о времени, о словах, о последовательности действий. Через неделю человек мог искренне помнить чужую догадку как собственное наблюдение.

Кузьмич вошёл, держа на ладони буханку чёрного хлеба и небольшую жестяную коробку с солью.

— Украли? — спросил следователь.

— Кухарка сама дала. Сказала, что голодным полицейским нельзя верить на слово.

— И вы решили проверить её предположение?

— Проверю за обедом. По утрам я редко ошибаюсь с хлебом.

Кузьмич отломил ломоть и заметил на столе портретную карточку молодой семьи. Её принесла Аграфена по просьбе

следователя.

— Вот молодой Ланской, — сказал Коткевич. — Фотография сделана за несколько лет до исчезновения. Усы, форма бровей, ухо. Есть сходство с убитым, но между карточкой и телом немало лет.

— Шрам над бровью тот же?

— На карточке различим, хотя и плохо. Ещё нужно независимое свидетельство о его происхождении.

— Я бы тётю спросил. Она такого не забудет.

— Спросим, когда будет возможность. А Софью — отдельно. Пока собираем признаки, не подтверждая заранее ни одну версию.

У окна прогремела повозка с углём. За ней бежал мальчик с деревянным совком, подбирая высыпавшиеся кусочки. Таких мальчишек в городе было множество: за несколько удачных рейсов можно набрать топлива на домашнюю печь. Кузьмич проводил взглядом повозку. Когда жил в казённой квартире, мать сама собирала мелкие угольки возле склада, и он до сих пор не любил тех, кто разбрасывал их небрежно.

— А портрет отчего сняли? — спросил он.

— Установим. Я не стану приписывать этому убийственного смысла.

— И я не стану. Иногда человек снимает портрет оттого, что трудно на него смотреть.

Коткевич задержал взгляд на фотографии. Вчера Софья говорила с ним так, будто он сомневался не в показаниях, а

в её праве помнить отца. Возможно, он действительно задал вопрос так, что она не могла услышать ничего другого.

* * *

Софья привела тётю в бывшую детскую, где теперь редко кто бывал. Там было проще разговаривать: большая гостиная слишком явно принадлежала нынешней взрослой хозяйке, а в этой комнате обе помнили другую Соню, маленькую, сердитую, боявшуюся темноты под кроватью.

На шкафу всё ещё стоял оловянный солдатик без ружья. Софья не помнила, кто его сломал. Рядом лежали плоские гладкие камешки, собранные на пляже. Два были с отверстиями; отец уверял, что это морские денежки и что за пять таких камешков можно купить у Нептуна спокойную погоду. Мать смеялась над нелепостью, а Софья бережно хранила их в кармане, когда летом ездили вдоль берега.

Екатерина подняла солдатика, поставила обратно.

— Я получила письмо в конце лета, — сказала она.

— От кого?

Тётя помолчала.

— От Павла.

Софья ждала продолжения. Её лицо не изменилось, но рука сжала край стула.

— В конце лета какого года?

— Этого.

— Ты знала, что он жив?

— Я не знала. Я получила лист бумаги, подписанный его

именем. Он писал, что хочет вернуться и увидеть тебя.

— И ты его спрятала.

— Я решила не тревожить тебя, пока не буду уверена.

— Ты спрашивала меня, хочу ли я быть встревоженной?

— Соня, ты тогда собиралась ехать к подруге в Одессу.

Перед тем тебе и так было нелегко.

— Значит, для моей поездки письмо не годилось. А для твоего шкафа — годилось.

Екатерина вздохнула.

— Я знала твоего отца лучше, чем ты. Он умел обещать. Искренне обещать. А потом не исполнять. Я не хотела, чтобы ты ждала его вновь.

— Пять лет я всё равно ждала.

Тётя посмотрела на неё.

— Ты никогда не говорила.

— А ты никогда не спрашивала.

Молчание продолжалось долго. С улицы донёсся звон колокольчика точильщика; мальчики обычно выбегали к нему смотреть, как нож, притронувшись к камню, бросает короткие искры. Но сегодня в доме никто не бросился к воротам.

Екатерина открыла ридикюль и достала конверт. Бумага была выцветшая по краю. Адрес написан почерком, который Софья узнала ещё до того, как тётя перевернула лист.

— Почему теперь показываешь? — спросила Софья.

— Потому что вчера он приехал. И ты имеешь право знать, что я получила.

— Вчера он уже не мог ответить за тебя.

Екатерина не стала защищаться.

Письмо оказалось коротким. Павел просил сестру хотя бы передать Софье, что он жив, что готов рассказать обо всём, и чтобы дочь сама решила, хочет ли встречи. Не было ни красивой фразы о страданиях, ни требования простить его. Оттого письмо казалось страшнее.

Софья сложила его и вложила обратно в конверт.

— Ты могла дать мне выбор, — сказала она.

Тётя протянула руку. Софья не отстранилась, но и не взяла её.

— Я боялась сделать хуже.

— Сделала.

Екатерина заплакала неожиданно, без рыданий. Она сидела прямо, придерживая на коленях ридикюль, и слёзы текли так тихо, что Софья впервые заметила: тётя тоже состарилась за последние годы. Прежняя решительная женщина, которая всегда знала, как поступать правильно, теперь не знала, куда девать руки.

* * *

Когда Коткевич попросил о новом разговоре, Софья сама вышла к нему. Пожелала беседовать без Левшина. Управляющий, услышав отказ, не стал спорить — лишь положил на стол нужную книгу и удалился с таким видом, будто все сведения, заслуживающие доверия, уже находились внутри неё.

Коткевич велел принести стул и предложил Софье сесть.

Она осталась стоять у окна.

— Я хочу спросить о вчерашнем вечере. И заранее прошу простить, если вопросы покажутся жестокими.

— Убийство жесточе вопросов, — сказала Софья. — Спрашивайте.

— Вы видели гостя около без четверти восьми?

— Не смотрела на часы. Было уже темно в коридоре, но нижние окна ещё светились. Я вышла из гостиной и увидела его. Леонид Фёдорович представил его Ветровым.

— Вы узнали?

— Мне показалось. Я узнала шрам, голос... Нет, голос сначала не узнала. Он стал ниже. А вот как он стоял, когда хотел показаться спокойным, — да. Он всегда ставил руку на спинку кресла, будто рядом нужно было за что-то держаться.

— Вы говорили с ним после этого?

— Нет. Левшин увёл его. Я хотела пойти следом, но подумала: если это отец, зачем он не сказал мне сам? Потом стало стыдно за этот вопрос. Теперь поздно.

— Во сколько вы получили письмо?

— После девяти. Аграфена принесла. Я слышала, как вни-
зу разговаривали с посыльным, но не видела его лица.

— Письмо находилось у вас всё время?

— Да. Я принесла его наверх и держала в руке, когда увидела тело.

Коткевич попросил показать письмо. Софья дала лист, но предупредила:

— Это не хозяйственная расписка. Там всё, что он успел сказать мне.

Он прочёл только то, что относилось к делу: обращение, подпись, исправленное слово. Остальную часть оставил без комментария. При понятых он мог бы составить подробное описание бумаги, но сейчас речь шла о добровольно предъявленном письме. Он попросил разрешения сделать копию, не изымая оригинал немедленно. Софья согласилась после того, как он объяснил, для чего она нужна.

— А отчего портрет убрали? — спросил Коткевич.

Софья посмотрела на него с неожиданным удивлением.

— Это тоже доказательство?

— Я не знаю. Может быть, просто часть вашей жизни. Ваш отец хотел бы видеть вас при портрете?

— Отец хотел многого, — сказала она. — Сначала мне ставили его фотографию на камин. Каждый гость подходил, вздыхал, смотрел на меня так, словно я должна сразу начинать плакать. Я сама сняла портрет и убрала в ящик. Не из злости. Мне надоело быть дочерью покойника прежде, чем быть собой.

Коткевич молчал. Она продолжала:

— Я занималась хозяйством. Научилась проверять счета, хотя прежде терпеть не могла арифметику. У нас протекала крыша — я распорядилась перекрыть её. Начали гнить ставни на западном окне — я пригласила мастера. Люди спрашивали, кто разрешил мне действовать без отца. Говорили,

Леонид Фёдорович всё знает. Но дача принадлежит мне, не ему.

— А почему вы всё же доверяли ему вести сделки?

— Потому что он работал здесь, когда я была ребёнком. И потому, что женщине легко объяснить любую неприятную цифру её недостатком опыта. Я боялась показаться глупой. Теперь, по всей видимости, мне придётся перестать бояться.

Коткевич подумал, что Софья старше его первого впечатления о ней. Вчера он видел девушку, потерявшую отца. Сегодня — молодую собственницу, у которой отняли право знать важное о собственной жизни.

— Я проверю документы, — сказал он. — И вы сможете посмотреть, какие из них действительно подписаны вами.

— Я и собиралась.

* * *

Вечером Софья сидела одна у старого ящика с семейными фотографиями. За окном проходила узкая полоса холодного света; дождя не было, но ветер заставлял дрожать листья магнолии. Снизу доносились знакомые звуки: Аграфена считала бельё, Аксинья стукнула заслонкой печи, Макар выговаривал мальчику за неубранную дорожку. Ничего из этого не было праздничным. Но за такими звуками стояла жизнь дома, которую отец оставил и к которой пытался вернуться.

Софья вынула фотографию: отец и мать сидят на скамье, она сама стоит между ними, в коротком платье, с неудобно заплетёнными косами. У отца была приподнята бровь, будто

фотограф сказал что-то невежливое, и он собирался возразить. Софья провела пальцем по картонной рамке, не касаясь лица.

Она поставила фотографию на стол, затем передумала и положила рядом с письмом. Её не мучил теперь вопрос, могла ли она простить отца. Ответа не было и не будет. Сильнее мучило другое: он решил вернуться раньше, чем они встретились. Она могла узнать об этом ещё летом и сама выбрать, что написать ему.

Тётя лишила её не прощения, а выбора.

Ночью Софья принесла Екатеринино письмо Коткевичу. Следовательно ещё работал за столом в нижней комнате, перечитывая показания. Он поднялся, когда она вошла.

— Вот ещё одно, — сказала она, протянув лист. — Отца. Оно пришло задолго до его приезда. Мне его не передали.

Коткевич взял конверт. На нём сохранились почтовые отметки, достаточно ясные, чтобы установить путь письма. Он не стал сразу задавать вопросы: Софья продолжала стоять перед ним, стараясь не смотреть в лицо.

— Я думала, что он умер и оставил меня, — произнесла она. — А он был жив и всё равно не приехал. Потом решил приехать. И мне об этом не сказали. Какую из этих правд я должна была пережить первой?

Коткевич мог назвать порядок дат. Но это был бы ответ на другой вопрос.

— Не знаю, — сказал он.

Софья кивнула и вышла. В коридоре Аграфена оставила для неё горящую лампу, чтобы ступени не терялись в темноте. У двери лежали аккуратно поставленные домашние туфли.

Коткевич вернулся к письму. Вверху стояла дата августа нынешнего года. Его убитый свидетель пытался заговорить с дочерью гораздо раньше последнего вечера.

Следователь отметил число, не соединяя пока написанное с убийством.

Софья могла прочесть эти слова ещё два месяца назад.

ГЛАВА 4

Сад за оградой

Ялта. 14 октября 1899 года

В Дерекое по утрам сперва просыпалась вода.

Ещё не поднимался дым из труб, не скрипели двери хлебов и не стучали по камню копыта ослов, а в арыках уже слышалось, как струя ищет дорогу под опавшими листьями. Кто не жил возле сада, мог принять этот звук за пустяк. Садоводы различали по нему, где обрушилась земля, где мальчишки оставили заслонку открытой и у кого ночью опять вздумали брать воду не в свой черёд.

Алиме Сейдалиева стояла по щиколотку в мокрой земле, придерживая тяжёлую доску обеими руками.

— Ниже, — сказал отец.

— Ниже она провалится.

— Значит, сперва вынь камень.

— Я его ещё ночью вынула.

Сеит-ага оглянулся. Камень действительно лежал у стены. Отец сердито посмотрел на воду, которой было решительно всё равно, кто из них прав.

— Тогда держи. Не отпускай сразу.

Алиме ослабила хватку. Вода ударила в жёлоб и побежала по поперечной канавке к крайним деревьям. Земля под ними потемнела; две крупные капли сорвались с жёлтого листа и упали на сухую корку между корнями.

— Вот, — сказал отец. — Теперь хорошо.

— Теперь она идёт туда, куда должна была идти вчера.

— Ты вчера тоже говорила, что хорошо.

— Вчера управляющий опять велел прикрыть верхнюю заслонку.

Сеит вытер руки о передник, которым обматывался для работы, и посмотрел вверх по склону. За кипарисами виднелась ограда «Тихой пристани» и жёлтая стена главного дома. По утрам окна блестели, словно кто-нибудь специально натирал их для солнца. Иногда Алиме думала, что в богатых домах стекла моют чаще, чем окна открывают.

— Пойдёшь сегодня к Ланским, — решил отец. — Спросишь, на каком основании воды стало меньше.

— Ходила. Вчера. Меня не пустили дальше конторы.

— Надо было потребовать хозяйку.

— Требовала.

— И что?

— Сказали: в доме покойник.

Сеит молчал. В Дерекое знали о смерти незнакомца на даче ещё позавчера. Кто-то уверял, будто зарезали купца, кто-то — что убили вернувшегося с того света господина. Алиме не верила ни тому ни другому. Убитых людей она в жизни видела только на похоронах — и никогда не слышала, чтобы они приходили заранее объявлять о собственном погребении.

— В таком случае не кричи, — сказал отец. — Скажи о воде и уходи.

— А если опять не пустят?

Он вздохнул.

— Тогда будем искать другой способ.

Алиме знала, что другой способ означал просьбы, поездки в город и расходы на людей, умеющих писать прошения таким почерком, который нравился чиновникам. Денег после плохого прошлого урожая и так не хватало. На чердаке сушились связки табачного листа; часть фруктов продали оптом за слишком скромную цену, чтобы заплатить за ремонт каменной ограды. Её младший брат мечтал наняться в город к часовщику, где руки, по его представлению, оставались чистыми, а заработок появлялся из колесиков. Отец считал, что хорошие руки должны пахнуть землёй. Сам Алиме однажды показал растрескавшиеся ладони и попросил не путать запах с недостатком.

Из дома вышла мать с медным ковшом. Внутри парило горячее молоко. За ней маленькая племянница несла хлеб в полотенце, прижимая узел к груди с такой торжественностью, будто ей доверили казну.

— Сеит, — сказала мать, — завтрак остынет.

— Досмотрю воду.

— Воду ты досматриваешь столько лет, что она скоро привыкнет к твоему лицу.

— Пусть привыкает. Будет узнавать хозяина.

Мать покачала головой и подала дочери кусок хлеба с мягким солёным сыром. Алиме ела на ходу, заглядывая за край арыка. Вода сносила кожуру плода, две соломины, рыжий лист. Неожиданно струя забурилась у старой решётки, установленной перед разветвлением. Обычно здесь задерживались ветки и щепки, принесённые сверху. Теперь под водой выпирало нечто тёмное.

— Опять набросали, — сказала Алиме.

Она положила хлеб на камень, взяла железный крючок и подтянула к себе застрявшую вещь. Это оказался свёрток в грубой промасленной ткани, туго перетянутый узким ремешком. Свёрток был тяжелее, чем можно было ожидать от тряпки; от него пахло сырой кожей и железом.

— Что там? — спросил отец.

— Не знаю.

Она положила находку на плоский камень и осторожно развернула один край. Внутри показался латунный груз с

заострённым концом. К нему было прикреплено короткое кольцо для шнура. Металл потемнел от воды, но на одном боку сохранилась узкая блестящая царапина.

— Геодезисты, наверное, — сказал Сеит. — Всё оставляют, как будто земля за ними убирать должна.

— Геодезист у нас что мерил, помнишь?

— От дома к верхней канаве. За ним приказчик ходил с книжкой.

Алиме перевернула груз. Под складкой ткани оставалось маленькое пятно, слишком тёмное для обычной ржавчины. Она не стала его трогать.

— Положим отдельно, — сказала она.

— Из-за такой железки?

— Латунь не железо. И зачем кому-то обвязывать груз хорошей тканью, прежде чем бросить в воду?

Отец хотел ответить, но промолчал. Когда дочь говорила о вещи, которую сама держала в руках, спорить ради старшинства он считал пустым занятием.

Алиме снова завернула предмет, не затягивая ремешка, и отнесла в сарай. Там на полке хранились запасные деревянные клинья, подковные гвозди, складной нож с утраченной рукоятью и медная мерка для зерна. На каждую вещь находилось применение, иногда через много лет. Детям не позволялось бросать нужное железо только потому, что оно выглядит старым; взрослые и сами не всегда знали, что понадобится зимой.

Она положила находку на отдельную доску.

— Не трогайте, — сказала племяннице.

— Почему?

— Потому что пока не знаем, чья.

Это объяснение удовлетворило девочку больше, чем объяснение об опасности. Чужую вещь она понимала.

* * *

Коткевич слышал об Алиме от кучера Семёна. Тот говорил о ней без неприязни, но с осторожностью человека, которому приходится ездить по чужим дорогам.

— У Сеита дочь за водой смотрит, — сообщил он. — Не всякому мужику даст в свой час задвижку повернуть.

— Почему «в свой»? — спросил Кузьмич.

— У каждого доля черёда. Выше по склону, ниже по склону, потом к соседям. Раньше господа Ланские держали договор. А теперь управляющий говорит: сад новый, воды недостаёт.

— Нового сада я там не заметил, — сказал Коткевич.

— Так его ещё собираются сажать. На бумаге он уже большой.

Кузьмич посмотрел на напарника.

— Будущий сад пьёт больше нынешнего. Особенно когда бумага дорогая.

Они отправились пешком. Полицейского проводника Коткевич взял, чтобы не выглядеть двумя случайными господами, задающими вопросы деревенским жителям. Дорога

шла мимо виноградных террас, каменных подпорных стен и низких домов с плоскими местами для сушки плодов. Под навесом женщина перебирала поздние яблоки: целые складывала в корзину, побитые — отдельно для варки. Мальчик раскладывал надрезанные плоды на дощатых решётках, стараясь не подпускать кур. У дверей сушились связки трав, в одном дворе толкли орехи, в другом мастерил колесо мальчишка, слишком маленький для телеги и слишком серьёзный для игры.

Кузьмич задержался у стенки, сложенной из крупных камней.

— Старше дачи, — заметил он.

— Вы теперь и камни по возрасту определяете? — спросил Коткевич.

— Нет. Смотрю, какие на них стены поставили. Новый забор неровность прячет. Старый её помнит.

Алиме встретила их возле грядки. Она только что закончила подвязывать молодое деревцо к колышку мягкой полоской ткани. На её платье у подола осталась земля, рукава были закатаны, косу она убрала под простой платок.

Проводник назвал должность Коткевича. Девушка выслушала и не стала кланяться больше, чем требовала вежливость.

— Вы с дачи? — спросила она.

— Занимаемся убийством, — ответил Коткевич. — Нам сказали, что вы спорили с управляющим о воде.

— Спорили. Не с убитым человеком.

— Встречались с незнакомцем, который приехал двенадцатого вечером?

— Нет.

— Видели его раньше?

— Нет.

— Когда последний раз поднимались к дому?

— Вчера до обеда. Сторож сказал, хозяйка никого не принимает.

— Сторож назвался?

— Макар. Он давно там. Отец его помнит молодым.

Сеит, подошедший следом, поздоровался с полицейскими и предложил пройти под навес: там было прохладнее, да и стол не нужно было очищать от земли перед гостями. Мать Алиме вынесла чай в небольших стаканах. Коткевич поначалу отказался, сославшись на службу. Сеит спокойно ответил, что чай здесь подают не за показания. Следователь сел.

Разговор пошёл не сразу. Алиме принесла потёртый лист, завернутый в полотно. На листе было написано по-русски, кое-где слова расплылись от сырости. Сбоку стояли две подписи и простая рукописная схема отвода воды.

— Отец хранил, — сказала она. — Его отец договорился ещё с Павлом Сергеевичем, до его отъезда. Сначала открывают верхнюю ветвь. Потом мы получаем свой черёд, затем соседняя семья. Кто починит канаву, у того это в счёте труда записывают.

— Это не крепостной акт, — сказал Коткевич.

— Мы и не говорим, что продаём имение. Мы говорим, куда текла вода.

Она сказала это без дерзости. Тем заметнее Коткевич услышал собственную неосторожность: он слишком быстро пытался превратить каждую бумагу в основание права собственности, хотя перед ним показывали след хозяйственного соглашения.

— Дата? — спросил он.

— Восемьдесят восьмой год. Если сомневаетесь, в городской конторе должны быть другие сведения. Но не все люди носили туда каждый починенный жёлоб.

Кузьмич попросил показать канал. Алиме повела его к отводу, где по краю камня мокрая земля легла широкой полосой. Она объяснила, как открывали воду, сколько времени занимал проход потока и отчего после сухих дней две соседние ветви нельзя пускать одновременно. Кузьмич слушал внимательно и почти не перебивал. Для такого разговора не требовалось быть земляком: достаточно было знать, что деревянная заслонка не открывается одной красивой речью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.